

ФІЛОСОФІЯ ТА ПОЛІТОЛОГІЯ В КОНТЕКСТІ СУЧАСНОЇ КУЛЬТУРИ

ISSN [2663-0265](#) (print) ISSN [2663-0273](#) (online)

2020. Vol. 12. Issue 1.

Journal home page: <https://fip.dp.ua/index.php/FIP>

ФІЛОСОФСЬКІ НАУКИ

Вікторія Анатоліївна Вершина

Кандидат філософських наук, доцент,
Дніпровський національний університет
імені Олеся Гончара,
пр. Гагаріна 72, Дніпро, 49000, Україна

E-mail: vivi.dp@ukr.net, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0784-4348>

Viktoriia Vershyna

PhD in Philosophy, Associated Professor,
Oles Honchar Dnipro National University,
Gagarina Ave., 72, Dnipro, 49000,
Ukraine

УДК 101.1

**ПРОБЛЕМАТИКА СТРАДАНИЯ В РУССКОМ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОМ
ДИСКУРСЕ: МОДУСЫ ДОСТОЕВСКОГО**

Received 20 April 2020; revised 18 May 2020; accepted 15 June 2020

DOI: 10.15421/352002

Аннотація

Рассматривается интерпретация страдания русской религиозно-философской мыслью рубежа XIX-XX веков. Подчеркивается особое значение, которое придавалось страданию и страдательности в жизни человека русской культурой на данном этапе. Анализируется вклад Федора Достоевского в понимание и оценку страдания, выявлены особенности в трактовке страдания Семеном Франком и Николаем Бердяевым.

Ключевые слова: образ человека, страдание, Ф. Достоевский, С. Франк, Н. Бердяев.

The problem of suffering in Russian religious and philosophical discourse: Dostoevsky's interpretation

Abstract

The article deals with the interpretation of the suffering of Russian religious and philosophical thought at the turn of the XIX-XX centuries. The special importance attached to suffering and suffering in human life by the Russian culture at this stage is emphasized. Fyodor Dostoevsky's contribution to the understanding and assessment of suffering is analyzed, and features in the interpretation of suffering by Semyon Frank and Nikolai Berdyaev are revealed.

This article presents the first part of the research devoted to the modes of interpretation of suffering by Fyodor Dostoevsky. Fyodor Dostoevsky's literary and philosophical work largely determined the tendencies in the development of European cultural life and existential demands, including the cult of suffering cultivated by intellectuals. Dostoevsky can be characterized as a sufferer on a personal level and as a recognized classic: a psychologist who is an expert on suffering. But Dostoevsky's understanding and representation of suffering have a very ambiguous character and an ambivalent influence in European culture, although, as a rule, they are viewed in a positive context. Dostoevsky even so overestimates and exaggerates the significance of the phenomenon of suffering in the life of the individual and society, romanticizing and idealizing the role of suffering in the processes of the spiritual formation of the individual and the radical transformation of a person, and also attributing to the people, in particular the Russian, a special attraction to suffering. The popularity in the modern globalized consumer society of the ideas of eudaimonism and an absolutely happy "heartless" life, along with the easy achievement of "success" and material welfare, call into question the image of a person created by Dostoevsky.

Keywords: the image of a man, suffering, F. Dostoevsky, S. Frank, N. Berdyaev.

**Проблематика страждання в російському релігійно-філософському дискурсі:
модуси Достоевського**

Анотація

Розглядається інтерпретація страждання російською релігійно-філософською думкою в кінці XIX - на початку XX століття. Підкреслюється особливе значення, яке надавалося стражданню і стражденності в житті людини російською культурою на даному етапі. Аналізується внесок Федора Достоевського в розуміння і оцінку страждання, виявлено особливості в трактуванні страждання Семеном Франком і Миколою Бердяєвим.

Ключові слова: образ людини, страждання, Ф. Достоевський, С. Франк, М. Бердяєв.

Постановка проблемы.

Период второй половины XIX-первой половины XX века представляет собой очень сложный и неоднозначный этап в развитии мировой цивилизации в целом и, в частности, западноевропейского региона. В это время происходят такие трансформации во всех сферах жизни человека, сущность и следствия которых кардинально изменяют образ жизни индивида (народов, государств), а также восприятие человеком мира и самого себя. По целому ряду параметров начало XXI века непосредственно сопоставляется с той эпохой. Сходство усматривается в высокой скорости трансформаций, нестабильности социальных и политических структур, утрате уверенности в будущем, возросшему интересу к религии и мистике. Близки и экзистенциальные грани бытия человека в мире – интенсивность и страстность интеллектуально-духовных поисков, высокая напряженность внутренней жизни, психологическая самоуглубленность, что выделяет рубеж XIX-XX веков в особый пласт западной культуры. Все перечисленное в русской философской и художественной среде находило свое специфическое отображение и преломление. Принимая во внимание активную коммуникацию и насыщенность культурного обмена между Россией и Западной Европой того времени, взаимообмен идеями, надеждами и тревогами (убедительной иллюстрацией может выступить европейское преклонение перед Достоевским и такая же восторженная увлеченность русских интеллектуалов идеями Ницше), обращение к интеллектуальному ресурсу и вариантам ответов на «вечные» и «проклятые» вопросы в художественно-философском дискурсе данной эпохи представляется по-прежнему актуальным.

Анализ последних исследований.

Социкультурные доминанты и философские идеи периода второй половины XIX-первой половины XX века постоянно находятся в фокусе внимания и их исследованию посвящено огромное количество публикаций как обобщающего, так и более специального характера (в том числе в нашей статье рассматривалось содержание концепта «культура модерна» и

для указанного этапа в рамках западноевропейской культуры было предложено обозначение «модерн в модерне» [Вершина 2018]). Фигура и мировоззрение Достоевского уже при жизни писателя вызвали как безоговорочное признание, так и жаркие дискуссии, и на сегодняшний день создан огромный массив исследовательских и комментаторских текстов. Благодаря «возвращению произведений философов-эмигрантов» в русское интеллектуальное пространство философские взгляды С.Франка и Н.Бердяева также являются предметом пристального изучения. Среди последних публикаций, в которых рассматривается непосредственно проблематика страдания в творчестве Ф.Достоевского, С.Франка и Н.Бердяева, следует назвать работы Г.Е.Аляева и Т.Н.Резвых, А.В.Бабук, К.А.Варовой, А.Дюсенгалиевой, С.М.Климовой, А.А.Казакова, А.Н.Карпова, Э.Пауэлл [Аляев, Резвых 2017; Бабук 2016; Варова 2015; Дюсенгалиева 2014; Климова 2008; Казаков 2007; Карпов 2008; Powell 2006]. Косвенно касаются данной проблематики Лиза Кнапп, Т.Касаткина, Ю.Романов, Р.Федько [Кнапп 2006; Касаткина 2019; Федько 2015].

Хотя феномен страдания достаточно хорошо изучен, новые социокультурные, политические и экономические условия создают поле для новых прочтений и интерпретаций. Поэтому наш исследовательский интерес сосредоточен на экспликации проблематики страдания как значимого аспекта формирования образа человека в мировоззрении и творчестве таких ключевых ее представителей, как Ф.Достоевский, С.Франк и Н.Бердяев. Данные персоналии выбраны на основании следующих соображений: весомость проблематики страдания в мировоззрении и творчестве; неоспоримая роль Достоевского как источника экзистенциальных вопрошаний, психологизма, интереса к глубинным тайнам души человека; определяющее влияние Достоевского на мировоззрение Франка и Бердяева, а также тесная взаимосвязь обозначенных авторов с кругом европейских мыслителей и западной культурой в целом (по словам В.Набокова, «Достоевский, так ненавидевший Запад, был самым европейским из русских писателей»

[Набоков 2014: 172]). В данной статье представлена первая часть исследования, посвященная модусам интерпретации страдания у Федора Достоевского.

Изложение основного материала.

В контексте данного исследования, прежде всего, требует пояснения определение «русский религиозно-философский дискурс» («русская религиозно-философская мысль»). Данное определение прочно закрепилось в исследовательской и учебной литературе по отношению к философским исканиям в России второй половины XIX-XX веков и считается хрестоматийным. С одной стороны, большинство авторов признает отличие русской философии от западных философских образцов и, тем самым, «неклассичность русского философствования», с другой стороны, такая специфика трактуется как явление более значительное, глубокое, серьезное и целостное сравнительно с «сухим» рационализмом и утратой онтологизма западной мыслью. Такую позицию можно охарактеризовать как некоторую методологическую непроясненность и недосказанность, которая присутствует уже у авторов, пытавшихся осмыслить статус русской философии в XIX веке, так и у нынешних исследователей. Данная размытость и неточность детерминирована самим ходом развития философской мысли и поисками идентичности в России, размытостью и неопределённостью собственного положения наряду с претензиями вселенского масштаба, которые сохраняются и сегодня. П.Сапронов отмечая, что русская религиозно-философская мысль «чаще всего претендовала на статус некой сверхфилософии, чего-то оставляющего далеко позади западное любомудрие», полагает такую «иллюзию по поводу себя» конструктивным элементом всей русской мысли. Поэтому, русскую религиозно-философскую мысль «строго говоря, ни к религиозной, ни к философской мысли отнести нельзя» [Сапронов 2008: 9]. И проблематичной здесь представляется именно «широко» понимаемая русскими авторами религиозность с одновременным причислением себя к православии. Время интенсивных интеллектуальных поисков в России (и время ста-

новления собственно философии) это время распространения мистицизма, дионисизма, неоязычества, гностицизма. Отсюда следуют такие «сквозные» и амбивалентные качества русского религиозно-философского дискурса, как эклектика, «особое прочтение» православия и расхождение с догматикой, тяготение к религиозному универсализму, а также притяжения на сверхрациональные прозрения.

Для нашего исследования также важное значение имеет эстетическое измерение и художественное преломление вечных вопросов в искусстве, в частности литературе, ведущая роль и значимость писателя-«властителя дум» в инспирировании экзистенциальной проблематики, а также его влияние на более широкий культурный контекст сравнительно с распространением идей исключительно в философских кругах, что отражает характерные тенденции развития позднего модерна (показательно здесь замечание Сомерсета Моэма о роли литературы в русском обществе: «А так так русскую литературу в основном составляют романы, словесность в России в жизни людей просвещенных играет куда большую роль, чем в других странах» [Моэм 1998]). В связи с этим творчество Федора Достоевского представляет собой уникальный феномен, который во многом определил ключевые тенденции в развитии мировидения европейской интеллектуальной среды в XIX-первой половине XX века. Да и сегодня Достоевский почитаем и значим, о чем свидетельствует постоянное обращение к его произведениям театральных и кинорежиссеров (190-летний юбилей дня рождения писателя широко отмечался и вызвал шквал постановок по всему миру), научные исследования в странах постсоветского пространства и в рамках западной русистики (по словам знаменитого романиста Эдварда Форстера, ни один английский романист не исследовал душу человека так глубоко, как это сделал Достоевский [Forster 1974: 26], а Дж. Стайнер указывает, что данное суждение можно распространить и за пределы английской литературы [Стайнер 2019: 12]; профессор Колумбийского университета Лиза Кнапп называет в числе «гигантов русской литературы» называет имена Тургенева, Досто-

евского, Толстого и Чехова [Кнарр 2006]).

Особенно интересной представляется экспликация влияния Достоевского на формирование контекста русской религиозно-философской мысли. Традиционно признается значение Владимира Соловьева в процессе становления самостоятельной философии в России. На наш взгляд Достоевский сыграл здесь не менее важную роль – среди русских интеллектуалов трудно найти такого, который бы ничего не сказал о Достоевском. Владимир Соловьев также находился в круге влияния, вместе с тем весьма неоднозначно оценивая его духовное наследие. Так Розанов писал: «Очень скоро после смерти Достоевского Вл. Соловьев, бывший при жизни в некотором духовном подчинении ему, начал быстро и энергично расходиться с ним» [Розанов 1906]. Определяющее значение писателя в своей духовной жизни признавал Н.Бердяев – «... еще мальчиком получил я прививку от Достоевского. Он потряс мою душу более, чем кто-либо из писателей и мыслителей. Я всегда делил людей на людей Достоевского и людей, чуждых его духу. Очень ранняя направленность моего сознания на философские вопросы была связана «проклятыми вопросами» Достоевского» [Бердяев 2016: 311], С.Франк называет Достоевского «апостолом человечности» в XIX веке [Франк 1996: 357].

В связи с этим среди множества дискуссионных аспектов творчества Достоевского продолжает вызывать споры атрибуция его мировоззрения – писатель? философ? философствующий писатель или пишущий философ? Этот вопрос постоянно присутствует в научных текстах [Аляев 2010: 3]. За Достоевским признается статус «философа» с одновременным утверждением незыблемости его православного мировоззрения и онтологической укорененности в христианстве. Так, например, Н.Краминская указывает, что эволюция взглядов Достоевского в процессе его становления как философа заключалась в переходе от социалистической позиции с сохранением веры в христианские ценности к исключительно христианскому мировоззрению на путь устроения человека [Краминская 2001]. В данном контексте заслуживает

внимания точка зрения Г.Аляева: присутствие в русской философской мысли такой раздвоенности между западными рационалистическими образцами и своими религиозно-философскими настроениями, тяготеющими к восточно-христианскому миропониманию, свидетельствует о невозможности абсолютизации одного из них. Поэтому русская традиция «... должна вбирать в себя эту двойственность, должна преодолевать, а не обходить это противоречие – должна демонстрировать как раз образцы синтеза таких непримиримых, на первый взгляд, духовных стратегий.» [Аляев 2010: 3]. Также полагаем уместным привести слова самого Достоевского о философии «Философию не надо полагать простой математической задачей, где неизвестное – природа... Заметь, что поэт в порыве вдохновения разгадывает бога, следовательно, исполняет назначение философии. Следовательно, поэтический восторг есть восторг философии... Следовательно, философия есть также поэзия, только высший градус ее» [Достоевский т.28: 54]. Полагаем, что подход Достоевского в полной мере отображает общую тенденцию русской религиозно-философской мысли, отмеченную выше, а именно неразличимость философского и религиозного, некую особую русскую «сверхфилософичность».

Во второй половине XIX века в условиях приближающегося кризиса позднеמודерной культуры и предчувствия социальных грядущих катаклизмов феномен страдания, являясь неотъемлемой частью существования человека и общества, становится особенно востребованным и приобретает особенное значение. Страдания переполняют индивидуальную и социальную жизнь, получают осмысление в философии, изображаются в искусстве и транслируются в общественное сознание. Более того, в пространстве европейской культуры страдание приобретает статус культа. Вместе с тем такое тотальное и востребованное доминирование страдания получило и негативные оценки. С.Моэм писал: «У меня не вызывает ничего, кроме ужаса, вошедший недавно в моду культ страдания в литературе. Отношение к нему Достоевского мне претит» [Моэм 1998].

В творчестве Достоевского проблема страдания была изначально признана ключевой, «было сделано громадное множество реплик, предположений, наблюдений по этому поводу» [Казаков 2007: 31]. Безусловно, вопрос корреляции слов персонажей и позиции самого автора не может быть решен окончательно, но именно Раскольников, которого критики зачастую именуют «великий страдалец Достоевского», высказывает мысль о месте и значимости страдания в жизни человека (заметим, что в данном случае речь идет о неординарных людях). Так, Раскольников произносит следующие слова: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть» [Достоевский 1973: 203]. Таким образом, писатель декларирует обязательность и необходимость страдания.

На наш взгляд, рассматривая модусы интерпретации проблематики страдания у Достоевского, прежде всего необходимо различать два основных: субъектно-личностный и объектно-репрезентативный со всем множеством его граней и преломлений в судьбах и словах персонажей писателя.

Говоря о первом, субъектно-личностном, мы подразумеваем жизнь и экзистенциальные переживания самого писателя – страдания есть их постоянная и неизменная составляющая. Характерно, что страдания для Достоевского имеют весьма широкий спектр эмоциональной окрашенности – от тягостной мучительности до грусти. Уже при жизни за ним закрепилась не только слава «пророка», но и самого «проницательного» и «любящего» (В.Розанов), самого «русского» (С.Франк), самого сострадательного человека. В воспоминаниях И.Ар-ева (пока не установленного современника Достоевского) отмечено следующее: «Есть люди на сем свете, которых призвание – страдать, страдать и страдать. К числу этих людей всецело принадлежал Достоевский, скончавшийся 28 текущего января. Он был беден и несчастлив в юности и остался бедным и несчастным в старости.» [Ф.М. Достоевский 1993: 42]. Личностные переживания Достоевского имеют несколько граней.

Во-первых, события, связанные с участием в деятельности кружка петрашевцев, тюрьмой, каторгой, трудностями и невзгодами дальнейшей жизни (в том числе и сложности любовного характера). Л.Шестов полагал, что только после лично перенесенных мучений Достоевский смог по-настоящему понять страдания других – до этого человеческие страдания писателю были чужды и носили эстетический, а не этический характер [Шестов 1902]. По воспоминаниям Е.Летковой, эти жизненные страдания отпечатались в облике Достоевского: «...И вдруг, в промежутке между стоявшими передо мною людьми, я увидела сероватое лицо, сероватую жидкую бороду, недоверчивый, запуганный взгляд и сжатые, точно от зябкости, плечи. – Да ведь это Достоевский!» <...> когда я вслушалась в то, что он рассказывал, я почувствовала сразу, что, конечно, это он, переживший ужасный день 22 декабря 1849 года, когда его с другими петрашевцами поставили на эшафот, на Семеновском плацу, для расстрела <...>» [Леткова 1932].

Другой срез личностных переживаний связан с литературным творчеством не только в общепринятом смысле («творческие муки»), но и частой необходимостью писать ради заработка – быстро и к определенному сроку, что тяжело сказывалось на психическом состоянии писателя. Его предельная честность перед самим собой вступала в конфликт с давлением внешних факторов на литературную деятельность. Е.Леткова так передает слова писателя: «Никогда не продавайте своего духа... Никогда не работайте из-под палки... Из-под аванса. Верьте мне... Я всю жизнь страдал от этого, всю жизнь писал торопясь... И сколько муки претерпел... Главное, не начинайте печатать вещь, не дописав ее до конца... До самого конца. Это хуже всего. Это не только самоубийство, но и убийство... Я пережил эти страдания много, много раз... Боишься не представить в срок... Боишься испортить... И наверное испортишь... Я просто доходил до отчаяния... И так почти каждый раз...» [Леткова 1932].

Третий срез субъектно-личностного модуса страдания у Достоевского можно обозначить как «страдание о людях», выражен-

ное с поражающей силой откровенности, в «шекспировских масштабах» [Чичерин 1977: 177]. Олесь Гончар в числе многих почитателей Достоевского описывает сущность его творчества в патетическом ключе – художник заглянул в глубочайшие недра человеческой души и ему открылись сложнейшие особенности человеческой природы, ее спрятанные тайны и возможности, поэтому каждая строка произведений Достоевского «кровоточит» и именно боль и это «великое страдание за людей» дает художнику право быть моральным судьей среди живых [Гончар 1971]. Негативную характеристику такому психологическому погружению в человеческую природу дал В.Набоков: «Безвкусица Достоевского, его бесконечное копание в душах людей с префрейдовскими комплексами, упоение трагедией растоптанного человеческого достоинства – всем этим восхищаться нелегко» [Набоков 2014: 172].

Личностное страдание Достоевского о людях находит свое выражение в литературных произведениях, артикулируется в судьбах и словах героев Достоевского, и таким образом выступает в форме объектно-репрезентативного модуса трактовки страданий. Пожалуй, лучше всего его нерв обозначил сам писатель в «Предисловии к публикации перевода романа В.Гюго «Собор Парижской Богоматери». Достоевский говорит о главной идее творчества Виктора Гюго, очерчивая и характер искусства XIX века. Вместе с тем совершенно очевидно, что здесь писатель говорит и о ключевой интенции своего мирозерцания и писательства. Мысль Гюго, – пишет Достоевский, – «есть основная мысль всего искусства девятнадцатого столетия, и этой мысли Виктор Гюго как художник был чуть ли не первым провозвестником. Это мысль христианская и высоконравственная, формула ее – восстановление погибшего человека, задавленного несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков и общественных предрассудков. Эта мысль – оправдание униженных и всеми отринутых парий общества.» [Достоевский 1980: 28]. При этом Достоевский убежден, что «униженным и оскорбленным» также присущи духовные устремления, способность любить

и сострадать, осознание своего человеческого достоинства. Но единственным способом выразить все это оказывается экзотичность чувств – надрыв, надлом, чувства напоказ и «взахлест». По мнению О.Быстровой, на примере Макара Девушкина Достоевский показывает горькую антитезу между бытием как проявлением «низшего» и высшего в человеке, его духом. И страдания Макара вызваны пониманием этого противоречия, этого несоответствия богатых духовных возможностей и убожества своего существования [Быстрова 2009: 528].

Вопросы, над которыми размышляют и бьются герои Достоевского, также имеют несколько отчетливых формулировок. Как правило, исследователи, анализируя мирозерцание и идеи Достоевского, акцентируют внимание на теме страдания невинных, которая выражена в ставшей хрестоматийной формуле о «слезинке ребенка». А.Казаков, называет ее одним «из ключевых и, вместе с тем, темных мест религиозно-философской доктрины Достоевского и художественной ткани его итогового романа», поскольку «существование страдания компрометирует идею осмысленности мира, его божественной обоснованности, возможности спасения» [Казаков 2007]. В данном случае речь идет о подведении мировоззренческих и духовных итогов в последнем романе «Братья Карамазовы», тем более что болезнь давала Достоевскому ясное понимание скорого ухода и последней возможности высказать «всё».

В свою очередь, проблематика страдания невинных распадается на два ракурса: страдания праведников и страдания детей. Анализируя сюжет Иова и сюжет Христа, А.Казаков подчеркивает, что страдания праведников могут быть даже большими, нежели страдания обычных людей, при этом без справедливого воздаяния. Такая ситуация справедлива и уместна, и в самосознании самого праведника не вызывает конфликта. Так как, «В мире Достоевского, этическом последовательно и до последней логической точки, самым серьезным нравственным обвинением может быть обвинение в расчёте на некую выгоду» [Казаков 2007].

Проблематика детского страдания разрешается посредством идеи жертвенности, что по мнению ряда авторов, дает также основание настаивать на христоцентрической укорененности мировоззрения Достоевского. В контексте проблематики страдания невинных у Достоевского рефреном звучит идея правды – «страдать за правду». Так, в «Братьях Карамазовых» противопоставляются два типа страданий: Алексея Карамазова и Илюшечки, с одной стороны, и Ивана и Мити Карамазовых, с другой. Первый есть примером жертвенности и основное средство выражения отношения мотива детского страдания за правду, в то время как второй характеризуется эгоцентризмом и себялюбием, разрушающими героев и приводящими их к самоуничтожению [Бабук 2016: 34]. Страдание, по Достоевскому, «может служить искуплением несправедливости и даже преступления, если его искренне принять на себя» [Краминская 2001: 4]. Тема искупления неразрывно связана с темой страдания у Достоевского – Соня говорит Раскольникову: «Страдание принять и искупить себя им, вот что надо» [Достоевский 1973: 323].

Таким образом, Достоевский оправдывает и легитимирует страдание и его значимость, даже по отношению к невинным, а в особенности к детям. Но все же, на наш взгляд, для самого писателя тема детского страдания, будучи очень болезненной, не была разрешена окончательно в контексте теодицеи. Поэтому вновь возникает вопрос относительно однозначного соответствия взглядов Достоевского ортодоксальному православию. Константин Леонтьев, в целом высоко отзываясь о творчестве Достоевского, анализируя его Пушкинскую речь, иронически замечает: «Слишком розовый оттенок, вносимый в христианство этою речью г. Достоевского, есть новшество по отношению к Церкви, от человечества ничего особенно благотворного в будущем не ждущей; но этот оттенок не имеет в себе ничего – ни особенно русского, ни особенно нового по отношению к преобладающей европейской мысли XVIII и XIX веков» [Леонтьев 2010: 744].

Следует подчеркнуть, что важной для

Достоевского выступает проблема цели и осмысленности страдания – страдание не может быть бессмысленным (хотя персонажи романов зачастую совершают непонятные и бессмысленные поступки, приводящие к страданиям). Показательно, что современные авторы, подчеркивая христианское мировоззрение Ф.Достоевского, одновременно подчеркивают и его самостоятельность – собственную интерпретацию. Именно «запутанность» мировоззрения Достоевского приводит и к неопределенности в исследовательских оценках: «...опираясь в целом на христианскую трактовку страдания, стремится найти свое объяснение смысла и цели страдания» [Краминская 2001: 4]. Достоевский видит высокий положительный смысл страдания в очищении, возвышении, преобразении человека и, таким образом, страдание есть непосредственный способ достижения счастья. Вместе с тем страдания могут иметь и противоположные следствия – нравственно очищать, возвышать человека или же вести к деградации, разрушению личности. Также писатель весьма правдиво и наглядно показывает извилистость и мучительность душевных мук и действий, переживаемые героями на своем страдальческом пути, который отнюдь не завершается счастьем и добром. Страдание также обуславливает и выбор способа действий – смирение или бунт? И в таком случае вопрос позитивного смысла страдания как пути духовного совершенствования остается открытым для самого Достоевского. Размышляя над судьбами героев Достоевского, С.Моэм отметил: «Не помню случая, чтобы страдание сделало человека лучше. Мнение, будто страдание совершенствует и облагораживает, – выдумка. ... Страдание подавляет жизненные силы. Оно не совершенствует человека в нравственном отношении, а огрубляет его; страдания не возвеличивают, а умаляют» [Моэм 1998].

Отдельно следует упомянуть страстность, экспрессивность и экзальтированность чувств у героев Достоевского, в некотором смысле «жажду» страдания и даже наслаждение страданиями: «Вижу, вползает ко мне раз мужик на коленях. Я еще из окна видел, как он полз по земле. Первым словом ко мне: – Нет мне

спасения; проклят! И что бы ты ни сказал – всё одно проклят! Я его кое-как успокоил; вижу, *за страданием* (курсив – В.В.) приполз человек; издалека.» [Достоевский 1980а: 34]. Такую страстность испытывает подавляющее большинство персонажей: волнительность и жажда страдания сквозит в словах Дмитрия Карамазова: «Принимаю муку обвинения и всенародного позора моего, пострадать хочу и страданием очищусь!» [Достоевский 1976: 458].

И еще один ракурс интерпретации страдания у Достоевского заключается в том, что особый акцент писатель делает на характере ментальности русского народа, подчеркивает именно склонность русских (как народа в целом, так и отдельных типов) к страдательности. Более того, «потребность страдания, всегдашнего и неутолимого, везде и во всем» – «самая главная, самая коренная духовная потребность» русского народа». «Этой жаждою страдания он, кажется, заражен искони веков. Страдальческая струя проходит через всю его историю, не от внешних только несчастий и бедствий, а бьет ключом из самого сердца народного. У русского народа даже в счастье непременно есть часть страдания, иначе счастье его для него неполно. <...> Страданием своим русский народ как бы наслаждается.» [Достоевский 1980а: 36]. Возможно, тому историческому периоду и была свойственна готовность принять страдание и страданием доказать свою правоту, «пострадать за правду», за «справедливость», всегда, впрочем, понимае-

мую в свою пользу. Но реалии современной жизни с ее культом потребления и гедонизма и т.п. показывают скорее негативное отношение к страданию как таковому в массовом сознании, неготовность принять страдание по какой-либо причине.

Выводы.

Период второй половины XIX-первой половины XX века ознаменовался целым рядом социально-экономических потрясений и, соответственно, детерминированных ними новых духовных запросов. Складывается специфический культурный хронотоп, в котором особенно актуальным и востребованным становится феномен страдания. Литературно-философское творчество Ф.Достоевского во многом обусловило тенденции развития европейской культурной жизни и экзистенциальные запросы, в том числе и культивируемый интеллектуалами культ страдания и страдательности. Достоевского можно охарактеризовать как страдальца в личностном плане и как признанного классика: психолога-знатока страдания. Но осмысление и репрезентация страдания Достоевским имеют весьма неоднозначный характер и амбивалентное влияние в европейской культуре, хотя, как правило рассматриваются в положительном контексте. Популярность в современном обществе идей эвдемонизма и абсолютно счастливой «бесстрадательной» жизни наряду с легким достижением «успешности» и материального блага ставят под сомнение актуальность образа человека, созданного Достоевским.

Бібліографічні посилання

- Forster, E.M. (1974). *Aspects of the Novel and Related Writings*. London: Arnold.
- Knapp, Liza. (2006). *The Giants of Russian Literature: Turgenyev, Dostoevsky, Tolstoy, and Chekhov*. Lecture content. Columbia: Columbia University.
- Powell, E. (2007). *Suffering in the Work of Feodor Dostoevsky, Albert Camus and Milan Kundera*. Sydney University of Western Sydney.
- Аляев, Г.Е. (2010). *Предисловие, в: Ф.М.Достоевский и канун третьего тысячелетия. Становление и развитие классической русской философской традиции: от И.В.Киреевского до Д.Л.Андреева*. Отв. ред. Аляев Г., Суходуб Т. Киев: Киев. Русь.
- Аляев, Г.Е., Резвых, Т.Н. (2017). Человек в глубинах смыслов (три конспекта лекций С.Л.Франка). *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*, 69, 107-133. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-v-glubinah-smyslov-tri-konspekta-lectsiy-s-l-franka/viewer>
- Бабук, А.В. (2016). Мотив детского страдания в контексте англикано-протестантской этики Ч.Диккенса и христологии Ф.М.Достоевского. *Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого*, 3 (94), 31-34.
- Бердяев, Н.А. (2016). *Русская идея. Мирозерцание Достоевского*. Москва: Изд-во «Э».
- Бистрова, О.О. (2009). Антиномія: шляхетність/міщанство (поетика роману Достоевського «Бідні

люди»). *Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство: Міжвуз. зб. наук. ст.*, XXI, 527-531. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://dspace.nbu.gov.ua/handle/123456789/16699>

- Варова, К.А. (2015). Страдание и счастье в религиозно-философской антропологии Н.А.Бердяева. *Инновационная наука*, 12-3. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <https://cyberleninka.ru/article/n/stradanie-i-schastie-v-religiozno-filosofskoy-antropologii-n-a-berdyaeva> (дата обращения: 27.03.2020).
- Вершина, В.А. (2018). «Культура модерна»: к проблеме дефиниции концепта. *Философия и политология в контексте современной культуры*, 10(1-2(22)), 87-94. <https://doi.org/10.15421/351811>
- Гончар, О. (1971). *Геній Достоевського*. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://ukrlit.org/faily/avtor/honchar_oles_terentiiovykh/honchar-henii_dostoevskoho.pdf
- Достоевский, Ф.М. (1973). *Полное собрание сочинений: В 30 т.*: Т.6. Преступление и наказание. Л.: Наука.
- Достоевский, Ф.М. (1976). *Полное собрание сочинений в 30 т.*: Т.14. Братья Карамазовы. Л.: Наука.
- Достоевский, Ф.М. (1980). *Предисловие к публикации перевода романа В. Гюго «Собор парижской богоматери»*, в: *Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т.* Т.20. Л.: Наука, 28-29.
- Достоевский, Ф.М. (1980а). *Полное собрание сочинений: в 30 т.*: Т.21. Дневник писателя, 1873. Л.: Наука.
- Достоевский, Ф.М. (1985). *Полное собрание сочинений: в 30 т.*: Т.28, Кн.1. Письма. Л.: Наука.
- Дюсенгалиева, А. (2014). Мотив страданий в творчестве Ф.М. Достоевского. *Вестник КазНУ*. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <https://articlekz.com/article/23801>
- Казаков, А.А. (2007). *Тема страдания невинных в романе «Братья Карамазовы» (сюжет Иова и сюжет Христа)*, в: *Роман Ф.М.Достоевского «Братья Карамазовы»: современное состояние изучения / Под ред. Т.А.Касаткиной; Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. М.: Наука*, 31-34. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/kazakov-tomsk.htm>
- Карпов, А.Н. (2008). Проблема страдания в философии Н.А.Бердяева: автореф. дис. ... к.филос.н. М.
- Касаткина, Т.А. (2019). *Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания / Отв. ред. Е.А.Тахо-Годи. М.: Водолей*.
- Краминская, Н.М. (2001). *Пути устройства человека в философии Ф.М.Достоевского*: дис. к.филос.н.: 09.00.03. Тула. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <https://www.dissercat.com/content/puti-ustroeniya-cheloveka-v-filosofii-f-m-dostoevskogo>
- Леонтьев, К.Н. (2010). *О всемирной любви. Речь Ф.Достоевского на Пушкинском празднике*, в: *Леонтьев, К.Н. Славянофильство и грядущие судьбы России*. М.: Институт русской цивилизации.
- Леткова-Султанова, Е.П. (1932). О Ф.М.Достоевском. Из воспоминаний. [Електронний ресурс]. Режим доступу: https://fedordostoevsky.ru/around/Letkova_E_P/
- Моэм, С. (1998). Записная книжка. *Журнал «Огонёк»*, 10 от 15.03.1998. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <https://www.kommersant.ru/doc/2285607>
- Набоков, В.В. (2014). *Лекции по русской литературе*. СПб.: Азбука.
- Розанов, В.В. (1906). Размолвка между Достоевским и Соловьёвым. *Библиотека Вехи*. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://www.vehi.net/rozanov/dostsol.html>
- Сапронов, П.А. (2008). *Русская философия. Проблема своеобразия и основные линии развития*. М.: Гуманитарная Академия.
- Стайнер, Дж. (2019). *Толстой и Достоевский: противостояние*; пер. с англ. Г.Л.Григорьева, Е.М.Эфрос. Москва: Издательство АСТ.
- Ф.М.Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников*. (1993). С.-Пб.: «Андреев и сыновья».
- Федько, Р. (2015). Вплив духовної спадщини Преподобного Ісаака Сирійського на літературу та світогляд Федора Достоевського. *Проблеми гуманітарних наук. Серія «Філософія»*, 35, 147-154.
- Франк, С.Л. (1996). *Апостол человечности*, в: *Франк, С.Л. Русское мировоззрение*. СПб.: Наука.
- Чичерин, А.В. (1977). *Очерки по истории русского литературного стиля*. С.: Худ. литература.
- Шестов, Л. (1902). *Достоевский и Ницше*. [Електронний ресурс]. Режим доступу: http://az.lib.ru/s/shestow_l_i/text_1902_nitzshe2.shtml

References

- Alyayev, G.E. (2010). *Predislovie*, in: *F.M.Dostoevskij i kanun tret`ego ty`syacheletiya. Stanovlenie i razvitie klassicheskoj russkoj filosofskoj tradicii: ot I.V.Kireevskogo do D.L.Andreeva*. Отв. red. Alyayev G., Sukhodub T. Kiev: Kiev. Rus`.
- Alyayev, G.E., Rezvy`kh, T.N. (2017). *Chelovek v glubinakh smy`slav (tri konspekta lekcij S.L.Franka)*. *Vestnik PSTGU. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 69, 107-133. [Elektronnij resurs]. Rezhim dostupu: Retrived from smyslov-tri-konspekta-lektsiy-s-l-franka/viewer

- Babuk, A.V. (2016). Motiv detskogo stradaniya v kontekste anglikano-protestantskoj e`tiki Ch.Dikkensa i khristologii F.M.Dostoevskogo. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, 3 (94), 31-34.
- Berdyayev, N.A. (2016). *Russkaya ideya. Mirosoczercanie Dostoevskogo*. Moskva: Izd-vo «E».
- Bistrova, O.O. (2009). Antinomi`ya: shlyakhetni`st`mi`shhanstvo (poetika romanu Dostoyevs`kogo “Bi`dni`lyudi”). *Aktual`ni`problemi slov`yans`koyi fi`lologiyi. Seri`ya: Li`ngvi`stika i`li`teraturoznastvo: Mi`zhvuz. zb. nauk. st.*, XXI, 527-531. Retrived from <http://dspace.nbuv.gov.ua/handle/123456789/16699>
- Chicherin, A.V. (1977). *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya*. S.: Khud. literatura.
- Dostoevskij, F.M. (1973). *Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t.: T.6. Prestuplenie i nakazanie*. L.: Nauka.
- Dostoevskij, F.M. (1976). *Polnoe sobranie sochinenij v 30 t.: T.14. Brat`ya Karamazovy*. L.: Nauka.
- Dostoevskij, F.M. (1980). *Predislovie k publikacii perevoda romana V. Gjugo «Sobor parizhskoj bogomateri»*, in: *Dostoevskij, F.M. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t.: T. 20*. L.: Nauka, 28-29.
- Dostoevskij, F.M. (1980a). Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 30 t.: T. 21. Dnevnik pisatelya*. L.: Nauka.
- Dostoevskij, F.M. (1985). *Polnoe sobranie sochinenij: v 30t.: T.28, Kn.1. Pis`ma*. L.: Nauka.
- Dyusengalieva, A. (2014). Motiv stradaniy v tvorchestve F.M. Dostoevskogo. *Vestnik KazNU*. Retrived from <https://articlekz.com/article/23801>
- F.M.Dostoevskij v zaby`ty`kh i neizvestny`kh vospominaniyakh sovremennikov*. (1993). S.-Pb.: «Andreev i sy`nov`ya».
- Fed`ko, R. (2015). Vpliv dukhovnoyi spadshhini Prepodobnogo I`saka Siri`js`kogo na li`teraturu ta svi`toglyad Fedora Dostoyevs`kogo. *Problemi gumani`tarnikh nauk. Seri`ya «Fi`losofi`ya»*, 35, 147-154.
- Forster, E.M. (1974). *Aspects of the Novel and Related Writings*. London: Arnold.
- Frank, S.L. (1996). *Apostol chelovechnosti*, in: Frank, S.L. *Russkoe mirovozzrenie*. SPb.: Nauka.
- Gonchar, O. (1971). *Geni`j Dostoyevs`kogo*. Retrived from http://ukrlit.org/faily/avtor/honchar_oles_terentiiovykh/honchar-henii_dostoevskoho.pdf
- Karpov, A.N. (2008). *Problema stradaniya v filosofii N.A. Berdyayeva: avtoref. dis. ... kand.filos.n. M.*
- Kasatkina, T.A. (2019). *Dostoevskij kak filosof i bogoslov: khudozhestvenny`j sposob vy`skazy`vaniya / Otv. red. E.A.Takho-Godi. M.: Vodolej*.
- Kazakov, A.A. (2007). *Tema stradaniya nevin`y`kh v romane «Brat`ya Karamazovy`» (syuzhet Iova i syuzhet Khrista)*, in: *Roman F.M.Dostoevskogo «Brat`ya Karamazovy`»: sovremennoe sostoyanie izucheniya / Pod red. T.A.Kasatkinoy; In-t mirovoj lit. im. A.M.Gor`kogo. M.: Nauka*, 31-34. Retrived from <http://dostoevskiy-lit.ru/dostoevskiy/kritika/sbornik-bratya-karamazovy/kazakov-tomsk.htm>
- Knapp, Liza. (2006). *The Giants of Russian Literature: Turgenev, Dostoevsky, Tolstoy, and Chekhov. Lecture content*. Columbia: Columbia University.
- Kraminskaya, N.M. (2001). *Puti ustroeniya cheloveka v filosofii F.M.Dostoevskogo: dis. k.filos.n.: 09.00.03. Tula*. Retrived from <https://www.dissercat.com/content/puti-ustroeniya-cheloveka-v-filosofii-f-m-dostoevskogo>
- Leont`ev, K.N. (2010). *O vsemirnoj lyubvi. Rech` F.Dostoevskogo na Pushkinskom prazdnike*, in: *Leont`ev, K.N. Slavyanofil`stvo i gryadushchie sud`by Rossii. M.: Institut russkoj civilizacii*.
- Letkova-Sultanova, E.P. (1932). *O F.M.Dostoevskom. Iz vospominanij*. Retrived from https://fedordostoevsky.ru/around/Letkova_E_P/
- Moem, S. (1998). *Zapisnaya knizhka. ZHurnal «Ogonyok»*, 10 ot 15.03.1998. [Elektronnij resurs]. Rezhim dostupu: <https://www.kommersant.ru/doc/2285607>
- Nabokov, V.V. (2014). *Lekcii po russkoj literature*. SPb.
- Powell, E. (2007). *Suffering in the Work of Feodor Dostoevsky, Albert Kamus and Milan Kundera*. Sydney University of Western Sydney.
- Rozanov, V.V. (1906). *Razmolvka mezhdou Dostoevskim i Solov`evym. Biblioteka Vekhi*. [Elektronnij resurs]. Rezhim dostupu: <http://www.vehi.net/rozanov/dostsol.html>
- Sapronov, P.A. (2008). *Russkaya filosofiya. Problema svoeobraziya i osnovny`e linii razvitiya*. M.: Gumanitarnaya Akademiya.
- SHestov, L. (1902). *Dostoevskij i Nicshe*. [Elektronnij resurs]. Rezhim dostupu: http://az.lib.ru/s/shestow_1_i/text_1902_nitzshe2.shtml
- Stajner, Dzh. (2019). *Tolstoj i Dostoevskij: protivostoyanie*; per. s angl. G.L.Grigor`eva, E.M. E`fros. Moskva: Izdatel`stvo ACT.
- Varova, K.A. (2015). *Stradanie i schast`e v religiozno-filosofskoj antropologii N.A.Berdyayeva. Innovacionnaya nauka*, 12-3. Retrived from <https://cyberleninka.ru/article/n/stradanie-i-schastie-v-religiozno-filosofskoj-antropologii-n-a-berdyayeva> (data obrashheniya: 27.03.2020).
- Vershyna, V.A. (2018). «Kul`tura moderna»: k probleme definiczii koncepta. *Filosofiya i politologiya v kontekste sovremennoj kul`tury`*, 10(1-2(22)), 87-94. <https://doi.org/10.15421/351811>